

ГАБОР ТЮШКЕШ

КЕЛЕМЕН МИКЕШ И «ТУРЕЦКИЕ ПИСЬМА»

«Турецкие письма» Келемена Микеша — классическое произведение венгерской прозы периода Раннего Просвещения, оно представляет собой органическую часть европейской литературы прошлого. Автор этого произведения — один из первых, с художественной точки зрения, выдающихся и оригинальных венгерских представителей моралистической традиции своей эпохи; многими тематическими и идейными нитями, методологическими особенностями, жанровыми и стилевыми моментами «Письма» связаны с творчеством великих европейских, прежде всего французских моралистов. Произведение это с представляет собой поворотную веху в венгерской литературе. С одной стороны, оно открывает новую главу в истории изображения человека и его душевной жизни: Микеша интересуют не великие идеи эпохи, а сам человек с его чувствами, поисками, недостатками и достоинствами. С другой стороны, оно означает фундаментальное изменение в формировании писательского самоосмысления и понимания своей роли; Микеш в гораздо большей степени, чем все прежние писатели, придает литературе общественное значение, последовательно вовлекая читателя в диалог. Отражая состояние человека, утратившего дом и родину, он создал литературный образец, до нынешнего дня живой и побуждающий к сочувствию.

«Турецкие письма» носят подчеркнуто автобиографический характер, а вместе с тем это важный исторический документ об эмиграции трансильванского князя Ференца II Ракоци и его приверженцев, а также о событиях европейской истории и политической жизни той эпохи. Работая над «Письмами», Микеш опирался на венгерскую и трансильванскую традицию эпистолярной и мемуарной литературы, творчески осваивая и развивая галантный стиль французской эпистолярной культуры, в то же время находя индивидуальные формы для выражения своих мыслей, сомнений, своей внутренней борьбы. Он описывает переживания, испытываемые им в изгнании, в своей личной жизни, людей, которые ему встречались, размышляет о своем творчестве, откликается на то, что происходит в мире, в политической жизни в в той экзотической среде, где он, волей судьбы, должен жить. Все эти темы тесно переплетаются с риторикой литературных писем, которым сообщается видимость реальных посланий, с непринужденной болтовней и со склонностью к афористическому способу выражения. С точки зрения изображения жизни в изгнании и состояния внутренней эмиграции «Турецкие письма» могут быть поставлены рядом, например, с перепиской Шарля де Сент-Эврémonа, Геза де Бальзака, Роже Бюсси-Рабютена и Елизаветы Шарлотты Пфальцской (Элизабет Шарлотт фон дер Пфальц).

Биографический и исторический контекст.

История создания

Келемен Микеш родился в августе 1690 г. в среднепоместной дворянской реформатской семье, в родовом имении Загон (на юге Трансильвании). Ему был всего год, когда он лишился отца: Пал Микеш был замучен

солдатами австрийской императорской армии в тюрьме города Фогораш (совр. Фэгэрэш в Румынии). Детство, большую его часть, он провел в усадьбах родни, рассеянной по комитату Харомсек. В 10-летнем возрасте, вместе с матерью, Евой Тормой, которая снова вышла замуж, он перешел в католицизм (отчим, Ференц Боер Кёвешдский, был католиком). В 1700 г. Микеш учился в Коложваре (совр. Клуж-Напока в Румынии, по-немецки Клаузенбург), в школе при иезуитском коллегиуме, где получил основательное классическое образование и познания в риторике. Научился писать письма по-венгерски и на латыни, усвоил нормы куртуазного поведения и, скорее всего, здесь начал учиться французскому языку. Ему было 17 лет, когда князь Ференц II Ракоци, в 1703 г. возглавивший освободительную борьбу венгров против Габсбургов, посетив Коложвар, взял Келемена на службу: сначала пажом, потом придворным камергером; в конце концов он стал первым камергером при дворе князя. Летом 1707 г. Микеш был свидетелем приема в Мункаче (совр. Мукачево на Украине) польского и российского посольств, прибывших для того, чтобы выдвинуть князя Ференца Ракоци претендентом на польский трон. Со временем, в походах и сражениях, в поражениях и победах, у князя с его соратником сложились теплые, доверительные отношения; Келемен смотрел на патрона с преклонением и почти сыновней любовью. В первые годы освободительной борьбы венгров поддерживал французский король Людовик XIV; однако после серии поражений итог освободительной войне подвел, Сатмарский мир, заключенный в 1711 г., без согласия Ракоци. Князь бежал сначала в Польшу, затем, в январе 1713 г., перебрался во Францию, куда его сопровождал и Микеш.

Карта путешествий Келемена Микеша. Выполнила Анна Тюшкеш

Людовик XIV принял Ракоци и его приверженцев благосклонно, но попытки князя вновь собрать международную коалицию для борьбы против Габсбургов завершились провалом. В мирном договоре, подписанном в 1714 г. в Раштатте, венгерское освободительное движение было принесено в жертву ради восстановления баланса сил на континенте; европейские державы признали Венгрию и Трансильванию частью Австрийской монархии. Ракоци утратил надежду на помощь Франции; решением венгерского Национального собрания, принятым в начале 1715 г., князь и его приверженцы были официально объявлены изгнанниками. Микеш, состоя в свите Ракоци, почти пять лет находился во Франции, где имел возможность познакомиться с жизнью парижского высшего света, литературных салонов, театров и королевского двора. Он усовершенствовал свое знание французского языка, получил представление о модных литературных произведениях этого времени, в том числе, как можно предположить, с различными эпистолярными романами. Незадолго до кончины Людовика XIV (1715) князь удалился в монастырь камальдульского монашеского ордена, в городке Гробуа, где рядом с ним находился и Микеш.

В апреле 1716 г. Габсбурги напали на Османскую империю. Ракоци связывал с этой войной большие надежды. По приглашению султана Ахмета III князь осенью 1717 г. отплыл в Турцию; Микеш отправился вместе с ним. Приглашение Ракоци принял в расчете на то, что с турецкой помощью сможет продолжить освободительную борьбу. Однако мир, заключенный между австрийцами и турками в Пожареваце (*нем* Пассаровиц) окончательно поставил крест на судьбе Ракоци и его последователей.

Первое свое письмо Микеш написал 10 октября 1717 г. (за четыре года до появления «Персидских писем» Монтеस्कье), в первом пункте своего турецкого пребывания, городе Галлиполи (совр. Гелиболу в Турции), — для того чтобы увековечить пребывание на Востоке, которое представлялось временным. После нескольких переездов Порты в 1720 г. поселила изгнанников на северо-западном берегу Мраморного моря, в городке Родошто (совр. Текирдаг в Турции); именно здесь было написано подавляющее большинство писем. Спустя два года мать Келемена стала звать сына домой, уговаривая его просить о помиловании; однако Микеш не воспользовался этой возможностью: преданность князю была сильнее. После смерти Ракоци, последовавшей в 1735 г., он остался душеприказчиком князя; он организовал погребение князя в Галаце, недалеко от Константинополя, и отправку его сердца и рукописей в Гробуа. В следующем году в Родошто прибыл старший сын Ракоци, князь Йозеф, — и включился в австро-турецкую войну 1736—1739 гг. На пути, ведущем через Валахию в Молдавию, Йозефа сопровождал Микеш; в пути князь заболел и умер. В 1741 г. Микеш со своими соратниками обратился к императрице Марии Терезии с просьбой о помиловании, но получил отказ. В 1747—1748 гг. он обменялся несколькими письмами с Адамом Яворкой и Ласло Берчени, венгерскими эмигрантами в Польше. Последнее из «Турецких писем» датировано 20 декабря 1758 г., за три года до смерти Микеша, в том году, когда его назначили главой венгерской общины Родошто. В начале января 1759 г., с разрешения австрийского посла в Константинополе, Микеш начал переписку со своей родней в Трансильвании, послав домой рукопись одного

своего перевода. Умер он 2 октября 1761 г. в Родошто, став жертвой чумы.

Историческое значение писем определяется тем, что автор их на протяжении многих лет, находясь на стороне Ференца II Ракоци, принимал участие в той освободительной войне, которая на короткое время высветила возможность создания самостоятельной Венгрии, независимой от империи Габсбургов. Общая ситуация, определившая их появление, — политическое изгнание. Моральная, литературная мотивация Микеша, источник его творческой энергии, манера и эстетика писем — все это коренится прежде всего в ощущении неприкаянности, маргинальности, связанном с оторванностью от родины. Изгнание же стало следствием бескомпромиссной приверженности принципам независимости, отстаиваемым Ракоци, идеям независимости, а также политики великих держав, сложившейся неблагоприятно для Венгрии.

Венграм-эмигрантам в Турции запрещено было переписываться и поддерживать какие бы то ни было связи с близкими, оставшимися на родине. Правда, на полное одиночество и языковую изоляцию Микеш не был обречен: в окружении князя он вращался среди венгров и французов, подчиняясь установленному князем строгому распорядку дня; да и после смерти Ракоци нищета и бесприютность ему не грозили. От родного дома, от семьи, от прошлого, от родных мест он оторвался давно, сознание бесповоротности того положения, в котором он жил, со временем лишь крепло в его душе. С самого начала для него важную роль играли возможности установления контактов с новой средой, а нахождение в промежутке между столь разными культурами стало

одним из определяющих факторов его мироощущения, оказавшим влияние и на его писательское видение мира. Он постоянно стремился сравнивать прежнюю и новую обстановку, критически оценивая привычные, укоренившиеся взгляды, старался смотреть на вещи с разных сторон. Писание в значительной степени помогало ему выработать новое, соответствующее данному образу жизни самосознание, создавая на месте утраченного мира новую, во многом фиктивную реальность, творя для себя, насколько это возможно, нечто вроде дома.

Говоря об историческом контексте и о творческой истории «Писем», нельзя не учитывать того, что патрон Микеша, Ференц II Ракоци, был в период между 1690 и 1740 гг. не только центральной фигурой венгерской истории и политики, но и сам являлся значительным мыслителем и писателем. Он писал по-венгерски, на латыни и по-французски, оставив потомству выдающиеся произведения во многих жанрах. Отдельная часть его творческого наследия — огромная дипломатическая и частная переписка, которую он вел до самой смерти. Среди его самостоятельных произведений выделяются «Мемуары» (1717), излагающие историю освободительной войны, содержащие многочисленные новеллистические элементы, а также, конечно, «Исповедь» (1716—1719), в которой дается обзор и осмысление всей его предыдущей жизни, анализируется путь душевного созревания, подводятся итоги своей моральной ответственности. Морально-религиозный характер носят его «Молитвы» и «Размышления» (1719—1731); он также написал две философские работы о государстве: «Трактат о власти» (1722—1725) и «Мысли о гражданской жизни и придворных принципах христианина»

(1722) и подготовил свое завещание (1732). «Мемуары» и часть «Исповеди» вышли в Париже в 1739 г., две работы о государстве и завещание, под общим заголовком «Политическое и моральное завещание князя Ракоци» («Testament politique et moral du Prince Rakoczi»), — там же в 1751 г.; остальные работы долгое время оставались в рукописи. В большинстве его произведений явно ощущается влияние янсенизма и литературы, вдохновленной янсенизмом. Микеш почти 30 лет был непосредственным свидетелем писательской деятельности князя, наверняка читал многие из этих произведений; он же стал первым распорядителем литературного наследия Ракоци. В его фиктивных письмах можно найти немало переключек с работами Ракоци, а перевод «прощального» письма князя, адресованного Порте, Микеш целиком вставил в свое 117-е письмо.

Нельзя пренебрегать и тем обстоятельством, что Ракоци собрал по крайней мере две значительные коллекции книг, которые не были недоступными для Микеша. Обе коллекции ясно свидетельствуют о французской ориентации культурного кругозора князя. Первая, ранняя библиотека, которая известна нам по перечню, 1701 г. выдает его интерес прежде всего к вопросам самой религии, а внутри этого круга — к планам объединения церквей. Вместе с тем этот список показывает, что его вниманием пользовалась также светская литература на французском, испанском и итальянском языках (например, Расин, Буало, Ла Кальпренеде, Скаррон, Матео Алеман, Марана, Фенелон), а также труды по политике и истории, по христианскому неостоицизму и светской морали и, наконец, великие французские моралисты: об этом свидетельствует наличие среди его книг таких

произведений, как «Эссе» Монтеня, «Характеры» Ла Брюйера, работы Сент-Эвремона. Среди книг, которые Ракоци читал в бечуйхейской тюрьме*, заслуживает внимания коллекция образцов писем Пьера д'Ортига Воморьера и французский перевод книги Балтазара Грациана «Придворный человек»; последнего упоминает в 128-м письме и Микеш.

Во второй библиотеке, собранной князем в Родошто (перечень был составлен кем-то после смерти князя), важное место занимали книги по благочестию, теологии, экзегетике, истории церкви, среди них — издания работ янсенистского, квиетистского, пуританского и мистического толка; обращает на себя внимание большое количество трудов по истории, праву и естественным наукам, подчеркнутое наличие дидактической и моралистической литературы, а также оттеснение на задний план литературы светской. Почти треть книжной коллекции имеет то или иное отношение к янсенизму. Часть находящихся здесь произведений Микеш использовал в качестве источников: брал из них фрагменты для своих писем, а некоторые даже самостоятельно перевел. Культурный материал, охватываемый книгами в библиотеках Ракоци, не всегда выглядит современным, но хорошо сочетается с культурным кругозором французской, немецкой и итальянской аристократии той эпохи. Кроме того, Ракоци и Микеш, прежде всего благодаря французским послам в Константинополе, — и в Родошто имели доступ к таким книгам, которые в перечне

*В 1700 г. Ференц Ракоци за участие в антиавстрийском заговоре был заключен в крепости Винер-Нойштадт (венгерское название — Бечуйхей) близ Вены; в 1701 г. ему удалось бежать в Польшу. (Примеч. Перев.)

отсутствуют. В окружении Ракоци в Родошто оказывались, кто надолго, кто на короткое время, французские дворяне и иные люди, которых можно связать с янсенизмом; другие придерживались галликанских, действительских или рационалистических взглядов.

С точки зрения истории создания «Турецких писем» и их идейного контекста важно упомянуть и то, что в середине 1720-х годов Микеш всерьез занялся переводом, а с 1740 г. центр его литературной деятельности переместился с эпистолярного жанра на перевод. Он перевел с французского на венгерский 12 прозаических произведений, общим объемом почти 6 тыс. страниц. Большую часть переведенных книг он брал из библиотеки Ракоци. Переводы и свободные переложения укладываются в рамки сознательной писательской программы. Значение их подчеркивается тем обстоятельством, что почти четверть общего объема писем составляют различные фрагменты переводов, причем между письмами и переводами существует тесная тематическая, идейная, методологическая — в плане писательского и переводческого подхода — интертекстуальная связь, перекличка содержания и мотивов, стилевое и жанровое взаимодействие. В значительной степени именно благодаря своей переводческой работе Микеш стал требовательным к языку и стилю художником, мыслителем и моралистом. Работа по адаптации иноязычных текстов в немалой степени способствовала формированию его общественных воззрений и этических взглядов.

Среди его переводов и переложений в равной степени можно найти и произведения, относящиеся к сфере дидактических, воспитательных трактатов, и ставшие излюбленным чтивом во второй половине XVIII в.

циклы новелл в стиле рококо, светский моралистический диалог, а также три выдающихся толкования Библии. Остальные переводы представляют жанры диалогизированного рассказа на религиозные сюжеты и дидактического душеспасительного трактата. Авторы этих работ — в основном церковные писатели второй половины XVII и первой половины XVIII в.; сами произведения примерно в этот период по большей части были многократно переизданы и переведены на другие языки. Некоторые из них близки к янсенизму или прямо представляют янсенистскую духовность; более того, одна из этих книг значилась в списке запрещенной литературы. Переводы Микеша, в соответствии с практикой того времени, в большинстве случаев представляют собой свободные адаптации; можно найти и такие примеры, когда сюжет, место действия и персонажей Микеш переносил на венгерскую почву.

Как в писательской деятельности Ракоци (да уже и в составе его библиотеки), так и в переводческой работе Микеша в равной степени наблюдается причудливое смешение различных, часто противоречащих друг другу направлений моральной и исторической философии, политических взглядов, церковно-теологических и благочестивых течений, литературных тенденций. Особого внимания заслуживают произведения, в которых янсенизм тесно переплетен с неостоицизмом, поскольку они не просто транслируют теологические, догматические и экзегетические нормы, соображения об организации церкви и правилах жизненного уклада, но предлагают читателю политические воззрения и моральную позицию, понимание истории, государственную философию, культурную политику, индивидуальную и коллективную

идентичность. Слияние гуманистической, светской духовности французского морализма пришло к Микешу не только благодаря нескольким их классическим представителям, жившим в XVII в., но и в многократных преломлениях, через посредство светской и религиозной дидактической литературы.

Структура, содержание, жанр

«Турецкие письма» – это 207 писем, созданных в период между октябрем 1717 и декабрем 1758 г., расположенных в хронологическом порядке и различающихся по содержанию и по объему. Распределение писем по времени неравномерно и в совокупности не выдает какого-то планомерного принципа. После прибытия в Турцию в первое время Микеш писал в среднем по два письма в месяц, в 1718–1719 гг. – по одному, в 1721–1722 гг. – по три-четыре письма в год. Почти в полусотне писем, созданных в первый период, до 1723 г., преобладают личные впечатления, рефлексии на постоянно меняющуюся обстановку и на события международной политики; лишь кое-где здесь можно встретить следы использования литературных источников. В 1724 г. эпистолярный энтузиазм Микеша вновь оживает; одновременно растет пропорция сторонних вставок, долженствующих восполнить недостаток личных впечатлений. Однако около 1730 г. ему, по всей видимости, надоело писать письма, наполненные чужеродными вставками; затем, в период болезни и смерти Ракоци, его перо вновь обретает плодовитость, и вновь на первый план выходит изложение личных переживаний.

Единственное свидетельство внутреннего структурирования мы встречаем, когда дело доходит до 1737 г.

Более двух десятков писем, созданных между январем 1737 г. и ноябрем 1738 г., Микеш выделил в особую группу, снабдив их отдельным заголовком. В этих письмах он повествует о прибытии в Турцию старшего сына Ракоци, Йожефа, о коренных изменениях, происшедших в жизни эмигрантов, и о молдавском походе, предпринятом герцогом. Здесь подробное описание личных переживаний на какое-то время вновь занимает преобладающее место. С 1741 г., после того как очевидной стала тщетность надежд на возвращение домой, вплоть до 1748 г. Микеш пишет очень мало, в среднем по одному письму в год. Между 1748 и 1754 гг. количество писем опять возрастает и становится относительно равномерным: в письмах 172–192 находит место описание турецких обычаев и культуры, при этом Микеш опирается на один французский источник: доля личных впечатлений здесь существенно отходит на задний план. После 192-го письма, в 1754–1756 гг., он пишет всего семь писем, затем, в 1757 г., тоже семь, которые содержат в равной мере личные впечатления, политические новости и литературные вставки, — ранее Микеш написал столько писем за один год лишь в 1739 г. В последнем письме, датированном 20 декабря 1758 г., Микеш оглядывается на годы эмиграции, размышляет о смерти и ставит судьбу изгнанника перед читателем как устрашающий пример.

Среди тем, так или иначе затронутых или хотя бы бегло упомянутых в письмах, присутствуют такие значительные события европейской истории первой половины XVIII в., как, например, Пожаревацкий мир 1718 г., завершивший австро-турецкую войну, война за польское наследство 1733–1738 гг., австро-турецкая война 1736–1739 гг., проходившая с участием России, война за

австрийское наследие 1740—1748 гг. В письмах фигурируют — иногда бегло, иногда более основательно — выдающиеся исторические деятели эпохи: Людовик XV, Петр I, Екатерина I, Анна Иоанновна, Карл VI, Мария Терезия, Фридрих II. Микеш, особенно вначале, с пристальным вниманием наблюдает как за событиями европейской политической жизни комментируя их, так и за поворотами внутренней политики в Турции, поскольку изгнанники долгое время именно от последних ждали изменения своей судьбы. В письмах ясно прослеживается, как надежда на возвращение домой сменяется вначале разочарованием, затем угрюмым смирением и в конце концов полной безнадежностью.

Микеш редко упускает повод, чтобы высказать какие-либо критические размышления, связанные с общественными отношениями и с ситуацией в культуре. Размышления эти продиктованы довольно четким сознанием необходимости реформирования дворянского общества, или, во всяком случае, эволюции его в сторону гражданского (буржуазного) уклада; здесь вырисовываются контуры просвещенческой социальной и культурной программы. Главные пункты этой программы: служение родине, национальное самосознание и понимание необходимости единства, формирование стабильных общественных отношений, повышение культурного уровня и приобретение знаний, применимых в практической жизни. В полном согласии с тенденциями эпохи Микеш призывает обратить внимание на необходимость обучения девушек и женщин. Он признает роль гражданских ремесел и науки в национальном хозяйстве; частные интересы он последовательно подчиняет интересам общества, страны. С понятием нации

тесно связан родной язык; страна, родина, родная земля и родной язык неотделимы друг от друга.

Важный содержательный элемент «Турецких писем» — показ инакости турок, восточной атмосферы, магометанской цивилизации и связанные с этим размышления; пользуясь выражением Лайоша Хоппа, это «личностный экзотизм» Микеша. Известно, что описания и размышления, связанные с поведением, обычаями далеких народов, играли важную роль в формировании европейской моралистики. Наряду с солидной литературой о путешествиях в Константинополь, с историческими, географическими трудами, описывающими мусульманский мир, «Турецкие письма» Микеша также способствуют знакомству с возникновением и основами европейского ориентализма, с взаимосвязью экзотизма и моралистского мирозерцания.

Писателя в равной степени интересуют исторические, социальные, моральные и религиозные вопросы, но он рассматривает их пристальным, отстраненным взглядом стороннего наблюдателя. В круг его излюбленных тем входят, например, турецкие обычаи, связанные с подарками, гостеприимством и т.д., обращение с женщинами, жизнь султанов-многоженцев, тайны гаремов, особенности бракосочетаний и разводов. Исходя из собственного опыта, он неоднократно признает, что Порта и отдельные турки проявляли великодушие по отношению к изгнанникам-венграм. Пользуясь любым поводом, он высказывает сожаление в связи с низким социальным статусом турецких и армянских женщин, с их угнетенностью, замкнутым образом жизни. Он показывает структуру султанского двора, частую смену визирей, живописует эффектность церемоний приемов,

осуждает институт рабства, но в то же время, ссылаясь на венгерские условия, относится к рабству с определенным пониманием. Описывает поведение местных чиновников и придворных, подробно знакомит с религиозными обычаями и суевериями. Фиксирует наблюдения, связанные с турецким сельским хозяйством и ремеслами. Неоднократно жалуется на отсутствие светской жизни, с юмором пишет о том, как мусульмане представляют рай, дает эмоциональное описание празднования Рамазана. С презрением пишет о пьяных дервишах, иронически рассуждает об изменчивой судьбе великих визирей и о деспотических нравах, критикует глубокие общественные предрассудки, консерватизм и царящую при дворе коррупцию. Несколько раз упоминает мусульманскую легенду о хлебе, рассыпанном Богом в разных местах для человека, об ангеле, который принес глину для сотворения человека, и в связи с этим размышляет о человеческой судьбе, о непостоянстве удачи, о преходящей земной славе и божьем Провидении.

Модный в ту эпоху эпистолярный жанр, открывающий перед творческим человеком множество возможностей, Микеш развивал в своем наиболее близком ему направлении. Литературность его «Писем» выражается главным образом не в композиционном выстраивании коллекции как некоего «целого», но в художественном оформлении каждого отдельного письма, а также в глубоко индивидуальном сочетании личного жизненного пути и повествовательных моделей, в которых так или иначе воплощалась история эпохи. Название, которое Микеш дал своему произведению, таково: «Письма, писанные М. К. в Константинополе для гр. П. Э.». Значение инициалов П. Э. нам неизвестно; мы не знаем даже,

скрывают ли эти инициалы чье-то конкретное имя. Название это, с двойной монограммой, с обозначением жанра и места проживания фиктивного адресата, следует французским образцам, к которым относятся появившиеся в большом количестве во Франции второй половины XVII и первой половине XVIII в. сборники галантных посланий, путевых заметок, а также коллекции частных писем, собрания фиктивных писем, письмовники, эпистолярные вставки в галантных романах, композиции, содержащие вместе исторические и фиктивные письма. Все это, вместе взятое, играло важную роль в формировании жанра эпистолярного романа.

Текстовая структура «Турецких писем» определяется постоянным экспериментированием автора с различными типами дискурса, которые соседствуют друг с другом, иногда пронизывают друг друга, то контрастируя, то образуя прихотливые сочетания. Это – произведение смешанного жанра, обладающее признаками как эпистолярного романа, так и историко-бытового повествования. К тому же оно включает в себя различные, компилятивно нанизанные на стержень фиктивной переписки истории, новеллистические сюжеты и другой вторичный повествовательный материал. Эпистолярная форма и фиктивный диалог дают автору широкие возможности для самовыражения, а также для создания образа «адресата». В форме фиктивного письма Микеш в сущности таится за двумя масками: своей и маской фиктивного адресата, так что по-настоящему он предстает перед нами в диалоге между этими персонажами. Такая форма дает в равной степени возможности и для того, чтобы раскрыться, и чтобы спрятаться, и для выявления авторской идентичности, и для создания

видимости ее раскрытия. Форма эта предоставляет возможности и для психологической, этической рефлексии, позволяет часто менять тон наррации и тему, придерживаясь рыхло-ассоциативной, эссеистской манеры. В результате, после тщательной стилистической обработки, в письмах — несмотря на интенсивный отбор и зависимость от различных жанровых образцов — вырисовывается осознанно субъективная история жизни. Пользуясь языковыми, риторическими средствами создания правдоподобия и прибегая к различным культурным стереотипам, Микеш создает кажущуюся реальной, но в значительной степени все же фиктивную действительность.

Этому способствует изощренная стратегия пропусков и умолчаний, перемешивание, в различной пропорции, событий, новостей, историй, заимствованных из тех или иных книг, различная степень подробности их изложения и, порой, повторение. Микеш часто характеризует душевное состояние автора, его настроение на данный момент, размышляет о самом процессе письма, последовательно вовлекает адресата в ситуацию фиктивного диалога, создавая тем самым атмосферу непринужденности и находя все новые способы более полного раскрытия собственного образа. Все это тесно связано с широким литературным, идейным контекстом и с традициями отображения коллективной памяти. Ни моральная рефлексия, ни повествовательный материал, вводимый в письма, не образуют целостной системы; бывает, что, начав излагать какую-то мысль, автор продолжает или усиливает ее в каком-нибудь из последующих писем. Встроенные в письма фиктивные повествовательные элементы чаще всего не исчерпываются собственным значением: они предваряют события

или, задним числом, толкуют, объясняют их, часто выполняя функцию непрямого предостережения или моральной притчи.

В большинстве случаев Микеш опирался на действительно имевшие место наблюдения, переживания и впечатления, ставя реальные факты, события и фигуры выше каких бы ни было предвзятых суждений. Особенно выразительны его описания окрестностей, природных ландшафтов. Не всегда он был очевидцем или участником описываемых событий; но если он описывает каких-то людей, то это люди, которых он, как правило, знал лично. Рассказывая о каких-то событиях и рисуя портреты, он, проявляя большую психологическую интуицию, драматическое чутье, возводит их в ранг художественного повествования.

В коллекции встречаются письма различного типа. Если вначале преобладают, наиболее приближаясь к реальным письмам, письма-репортажи, письма-отчеты, в которых Микеш излагает полученные им в той или иной ситуации впечатления, то со временем начинает преобладать другой тип: это довольно пространственные тексты, насыщенные размышлениями, элементами прочитанного, сведениями по истории, экономике и другим областям, новеллистическими вставками. Одновременно непринужденный, подчас фамильярный тон (в первой полусотне своих посланий Микеш самыми различными способами стремится создать видимость реальной переписки) уступает место сознательному редактированию. Со временем степень интенсивности письмотворчества снижается, зато постепенно увеличивается объем литературных вставок, восполняющих нехватку собственных впечатлений, и растет значение

сюжетов, почерпнутых из прочитанного. В последней четверти коллекции (это около 20 следующих друг за другом писем) Микеш увлекается описанием турецких обычаев и порядков; при этом он опирается почти исключительно на западноевропейские работы, переводя их на венгерский язык. Серия фиктивных писем оборвалась благодаря тому, что на рубеже 1758–1759 гг. Микеш получил от австрийского посла в Константинополе разрешение переписываться со своей трансильванской родней. Однако приобретенные писательские навыки присутствуют и в поздних посланиях: фиктивные и реальные письма у него — это, в сущности, варианты одного и того же жанра.

Источники

Знание турецкого языка у Микеша сводилось к нескольким словам, так что более или менее глубокие сведения, относящиеся к экзотической среде, в которой он жил, он черпал — кроме собственных наблюдений — главным образом из французских источников. В основном из литературы он брал и обнаруживаемые в письмах более или менее короткие истории (так называемые *historiettes*), которых насчитывается в целом около 70. Среди них можно найти античные, библейские, средневековые и относящиеся к раннему Новому времени притчи. Эзоповы басни, исторические сказания, новеллистические истории, еврейские агады, христианские, мусульманские и персидские легенды, анекдоты, шутки, курьезные случаи. Истории эти и сопровождающие их комментарии можно считать отражением, в миниатюре, представлений Микеша о человеке и мире. Часть из них — более или менее подробно изложенные темы

и мотивы, получившие широкое хождение в культуре. К таковым относятся, например: перстень Поликрата (письмо 43), семеро мудрецов (письмо 43), лиса и зеленый виноград (письмо 51), прекрасная Иринея (письмо 63), Стратоника (письмо 72), вейнсбергские жены (письмо 108), Бингенская мышинная башня (письмо 109), святой, который ходил по воде (письмо 206), Анна Болейн (письмо 86), Инкль и Ярико (письмо 199), Мустафа (письмо 97). Некоторые истории Микеш рассказывает дважды или неоднократно упоминает их. Бывает, что Микеш излагает историю не совсем так, как она фигурирует в источнике; причина этого обычно — иной контекст или желание подвести письмо к какому-либо определенному финальному выводу.

Использование заимствованных историй было излюбленным приемом во французской эпистолярной литературе и моралистических журналах той эпохи. Часть трактатов по риторике, появившихся в XVII в., особо занимается типами и характером изложения историй, приводимых в письмах, и существуют такие коллекции писем, которые уже в заголовке обращают внимание читателя на связанные с письмами рассказы.

Непосредственный источник большинства историй, фигурирующих в «Турецких письмах», можно установить точно или с большой степенью уверенности. Сюда относятся, например, сборники новелл Маттео Банделло, Пьера Боэстюо, Франсуа де Бельфора, Жана де Лафонтена, мадам де Гомес, энциклопедии Бейля и Морери, эпистолярные романы Роже де Бюсси-Рабютена, исторические труды Андре-Эркюля де Флёри, Джованни Сагрето, Луи Мэмбура, Поля Рико, Пьера Обрио и др. Из самого значительного моралистического журнала

эпохи, «Ле Спектатера», переведенного с английского на французский, Микеш почерпнул в общей сложности почти десяток историй. Эта ситуация одновременно служит объяснением тому факту, что большинство историй имеет французское происхождение. Сопоставление этих историй с источниками дает возможность определить особенности обработки Микешем заимствуемого материала и пронаблюдать вытекающие отсюда изменения первоначального значения. Более ранние варианты другой части историй обнаруживаются во многих произведениях, поэтому непосредственный источник с полной уверенностью здесь не может быть определен.

Первичные источники части историй, использованных Микешем, — античные авторы: Геродот, Плутарх, Сенека, Плиний, Ливий, Светоний, Валерий Максим и Цицерон, а также популярные в Средние века и в позднем Средневековье сборники легенд, притч и анекдотов, такие как «*Legenda aurea*», «*Gesta Romanorum*», произведения Пельбарта Темешвари и Иоганна Паули. Особую группу составляют рассказы итальянских, французских и нидерландских гуманистов, таких как Петрарка, Боккачио, Бандело, Мазуччио, Джовио, Колленуччио, Бонфини, Маргарита Наваррская и Липсиус. Ранние варианты некоторых историй можно найти и у немецких и венгерских авторов XVI–XVII вв, таких как, например, Юлиус Цинграф, Зигмунд фон Херберштейн и Георг Штенгель, а также Гашпар Хельтаи, Петер Борнемиса, Альберт Сенци-Мольнар, Петер Пазмань и Миклош Зрини.

Особого внимания заслуживает то обстоятельство, что варианты многих историй обнаруживаются у французских авторов той или близких эпох, в числе которых

много выдающихся моралистов. Сюда относятся, среди прочих, Монтень, Перро, Ла Арп, Верто, «L’Espion turc», Мишель Ле Клер, Жан-Батист Симеон Шарден, мадемуазель Скюдери, «L’Académie Galante», Монтескье, Вольтер. Что касается около полутора десятков историй, в основном специальных, то до сего времени не удалось установить ни непосредственного их источника, ни повторяемости в других контекстах. В нескольких случаях нельзя исключить возможности, что Микеш взял их из устной традиции.

Идейное своеобразие

Келемен Микеш стоял на позициях христианско-гуманистического мировоззрения, окрашенного идеями неостоицизма и янсенизма, и в то же время представлял толерантную, светско-рационалистически-галантную писательскую ориентацию. Взгляды свои он развивал с общечеловеческой точки зрения, но при этом всегда имел в виду свою родину, одновременно предпринимая плодотворные попытки гармонизировать моральные принципы верующего христианина, придворного и гражданина. Жанр литературного письма он возвысил в личностную форму самовыражения, художественно обновил ее, нашел в ней репрезентативное выражение своих представлений.

Основная особенность его мышления, его эмоционального состояния — постоянная смена надежды и безнадежности. Борясь с безнадежностью, он сформировал для себя жизненную позицию, опирающуюся на внутреннюю гармонию, и создал мирозерцание, которое оказалось эффективным и в условиях изгнания. Главные факторы этого мирозерцания — вера в Божье

провидение и в гармонически организованный мировой порядок, понимание покоя как одной из фундаментальных ценностей жизни, акцент на общественно полезной деятельности и последовательное стремление выполнить свое писательское призвание. Эмиграцию он переживал как экстремальную жизненную ситуацию, как божью кару, за отношение к которой угадывается влияние политической идеологии мученичества, действие которой не ограничено рамками конфессий.

Одни из факторов мышления Микеша – естественный разум, трезвый ум, *raison*. Он осознал устарелость традиционной школярской философии и понял необходимость новой идейной ориентации. Разум для него – особенно важная ценность: он, по его мнению, лучший советчик в решении важных жизненных вопросов, чем сердце (см., например, письмо 75); его цельность определяет состояние тела (письмо 46) и является условием самопознания. Как он сам говорит, «лишь при свете ума мы можем мы понять, хороши или плохи наши свойства» (письмо 99). Эта фраза – часть диалога, который Микеш взял у мадам де Гомес и, переведя, вставил в свое письмо. Диалог ведется вокруг одного из центральных вопросов моралистики той эпохи – вопроса о любви к себе. В комментарии Микеш полусхотливо противопоставляет надменную любовь к себе, присущую гречанкам, той любви, которую трансильванские девушки и женщины питают, как ему представляется, в равной мере к себе и к другим.

Рациональное, историко-критическое видение находит интенсивное выражение в концентрированном изложении Микешем истории крестовых походов (письмо 80). Вывод, сделанный из этого обзора, противоречит

традиционной церковной трактовке, по сути дела следуя духу французской историографии раннего Просвещения, прежде всего выраженному в работах Луи Мэмбура, затем Морери и Бэйля.

Другой центральный тезис мировоззрения Микеша — вера в божественное провидение. Эта вера, однако (особенно в первые годы изгнания), не была такой уж безоблачной. Микеш с большим трудом смирился с Божьим промыслом, который лишил его и других эмигрантов возможности вернуться на родину, — в конце концов он пришел к выводу, что Божья справедливость не всегда доступна человеческому разумению. В своих внутренних сомнениях и метаниях он часто подчеркивает беспомощность человека перед лицом божьей воли. Чтобы проиллюстрировать это, он в 7-м письме пользуется библейской метафорой о горшке и горшечнике. Однако, если в Библии и у авторов того времени этот мотив служит для того, чтобы подчеркнуть власть Бога, Микеш с его помощью дает почувствовать беспомощность маленького человека и собственную неудовлетворенность. Метафора, к которой он возвращается и позже, одновременно свидетельствует о его подавленном эмоциональном состоянии, вызванном отсутствием Божьей помощи. В 12-м письме он выражает ту же идею, переосмысляя еще один библейский образ. Тот же образ возникает в 13-м, 14-м и 15-м письмах; затем, в 44-м письме, Микеш, уже смирившись, вновь ссылается на Бога: «Изгнанникам венграм даже в изгнании приходится скрываться, чтобы хоть в чем-то быть похожими на скрывающегося сына Божьего».

В мышлении Микеша сакральное и мирское тесно переплетены друг с другом. В его картине мира

доминируют радость жизни и рациональность, — этим он, в частности, отличается от Ракоци с его аскетически строгими, порой склоняющимися к мистике взглядами. Местами мироощущение Микеша производит откровенно эпикурейское впечатление; набожность и радость жизни у него прекрасно сочетаются друг с другом. Он основательно знает Библию, однако культ святых практически не играет в его письмах значительной роли. Избранного в 1740 г. на папский престол Бенедикта XIV он называет «хорошим папой», что было признаком симпатии к реформаторскому католицизму августинско-янсенистского толка. Факт смерти воспринимается как естественная часть жизни.

С самого начала у него сложилось четкое мнение о человеческой жизни, об обществе и о перипетиях изгнания. Христианское мировоззрение и система моральных ценностей обеспечивают преемственность и цельность «я» повествователя, богатство его точек зрения. Вытекающая из личностной веры, толерантная, рационалистическая религиозность определяет и придает цельность его картине мира, его взглядам на человека и общество. Религиозность дополняется сознанием ответственности за страну, которую он вынужден был покинуть, и за свой народ, активным патриотизмом, преданностью князю-изгнаннику, а также потребностью в некоей более человеческой политике. О человеческих пороках и недостатках он часто пишет пронизательно и эмоционально, в то же время стараясь быть сдержанным, проявлять понимание и мудрость. Общественная его позиция характеризуется сочетанием сознания необходимости реформаторского подхода, хотя и мыслимого в рамках сословного общества, и размышлений

о прогрессивных изменениях, которые уже намечали бы поворот к преобразованиям в сторону буржуазного уклада; тут же нужно упомянуть смещение моральных оценок, вытекающих из религиозной картины мира, и трезвого созерцания действительности, опирающегося на сугубо светский жизненный опыт.

Микеш живо, эмоционально развивает мысль о первородном грехе (см., например, письмо 15), поддерживая представление о том, что божья милость — условие всякого доброго поступка (см. письмо 54). Под влиянием янсенизма, а также мусульманского окружения Микеш твердо верит в то, что человеческая судьба заведомо predetermined Богом, и вера эта проявляется у него в форме своеобразного религиозного фатализма. Однако теологическими, морально-теологическими и конфессиональными вопросами он не занимался. Когда речь заходит о религии, Микеш часто не удерживается от шутливых замечаний или приводит какую-нибудь юмористическую историю. В 31-м письме, например, он замечает: когда Ракоци однажды, по какому-то поводу, призвал свое окружение проникнуться во время причастия повышенным благоговением, генерал Форгач вдруг расхохотался и сказал: намедни, во время причастия, ему вдруг пришло в голову: какая хорошая попона вышла бы из поповской казулы.

Микеш прекрасно понимает, какое значение в жизни имеет смех, как юмор поддерживает человека. Шутка неотделима от его писательского самоощущения и от галантной эстетики, она — важная часть арсенала его риторики. В 71-м письме он, например, замечает: «Я бы с большей охотой полчаса посмеялся с Жужжи, чем десять часов писал о них (то есть о рыцарях-храмовниках».

В 190-м письме он приводит юмористическую легенду о происхождении праздника Рамазан. А в 95-м письме, приведя средневековую легенду о нешитом покрове Христа, замечает: «А вы, милая, принимайте это так, как хотите». Литературовед Бела Золнаи не без оснований называл Микеша «смеющимся философом».

Как показывает хотя бы последний пример, критические замечания в адрес набожности и церкви носят у Микеша чаще всего иронический, шуточный характер. За ними обычно таятся серьезные общественные, экономические, этические и культурные убеждения. Так, например, в 90-м письме он защищает бедняков от скаредности клира, пользуясь текстом Библии о восстании Кораха; агаду эту использовал в свое время и Вольтер, но Микеш обработал ее в противоположном ключе. В том же письме он иронизирует над бескультурьем и жадностью греческих священников-ортодоксов, живущих на территории Османской империи. В 150-м письме высмеивает молдавских пьяниц-попов, тесно обсевших в корчме винную бочку. В анекдотической новелле (146-е письмо) рассказывает, к каким уловкам прибегают немецкие мушкетеры-дезертиры, чтобы добыть вина у простоватого попа-ортодокса.

О магометанстве, его обрядах, церковной организации и вере в загробный мир он пишет в таком же сатирически-скептическом тоне, как авторы Просвещения — о римском католическом клире. Подобно французским энциклопедистам конца XVII в., он в равной мере обращает внимание на заимствование мусульманами христианских обычаев и на сохранение языческих обычаев в христианских церковных обрядах. Неоднократно подчеркивает естественные отличия, относительность

обычаев и нравственных норм у различных народов. Хороший пример этому – шутливая история о соревновании иконописцев, завершающая 104-е письмо.

В 51-м письме он приходит к осознанию того, что между библейским учением и жизненным опытом существует противоречие. Он цитирует знаменитое сравнение часов и часовщика, с помощью которого деисты подвергали сомнению божественное провидение, – но цитирует его лишь для того, чтобы оспорить выраженную в нем позицию, а затем вспоминает о вечной зависимости бедняков от богачей. В этих рассуждениях, пафос которых заострен в сторону общественно-философских обобщений, Микеш, с одной стороны, принимает как истину догмат о тождественном действии божественного провидения. С другой же стороны, рациональным путем осознает социальное неравенство, как и то, что судьба людей на этом свете неодинакова, – однако не делает окончательного вывода из противоречия между двумя тезисами. Противоречие между бедными и богатыми он многократно выделяет и в письмах (например, 2, 22, 28, 39, 48, 49, 50, 75, 99, 106, 160).

Гражданственная позиция Микеша во взглядах на мораль и на общество выливается в острую социальную критику, главные составляющие которой – осуждение богатых, дворянства, а также выявление противоречий между сословным расслоением феодального общества и подлинными моральными ценностями. По этическим причинам он осуждает политику великих держав, в основе которой лежат их корыстные интересы, и ставит моральные ценности выше материальных. Если в вопросах веры критерием истины он считает вещи, лежащие вне человеческого опыта, то в повседневных

явлениях жизни ссылается на рациональный ум. Безусловное принятие Божьей воли побуждает его признать янсенистское мирозерцание, в котором предопределение играет подчеркнутую роль. Его картина мира — это картина мира поколения, вступившего на порог Просвещения; поколение это уже стоит на позициях *ratio*, но еще не обращает его против веры. Эта своеобразная двойственность его мышления, подкрепление рационального объяснения природных и общественных явлений теологическими аргументами Божьего всемогущества находят выражение и в сферах, далеких от повседневной практики.

Жизненный опыт играет определяющую роль и в критике Микешем дворянства. Например, в 64-м письме, в связи с последней болезнью генерала Миклоша Берчени, наш автор, размышляя о причине человеческих страданий, приходит к выводу, что болезни связаны с образом жизни человека. Он утверждает, что среди монахов и людей трудовых профессий, живущих умеренной жизнью, свободных от честолюбия, от скупости, от зависти, куда больше пожилых здоровых людей, чем среди «господ». После смерти Берчени, в письме 68-м, он противопоставляет генералу известные фигуры римского консула М. Атилия Регула и Л. Квиктия Цинцинната; оба они, даже несмотря на свою бедность, заботились исключительно о благе родины. С помощью этих двух античных примеров Микеш подчеркивает, что люди, стоящие во главе общества, и в моральном отношении относятся к числу самых ценных для общества людей, а выполнив свою задачу, вновь становятся простыми членами общества. Высшая мера ценности человека у него — деятельность на благо общества.

Вопросы веры и морали у Микеша тесно переплетаются с проблемами национального самосознания, культуры — и с ведущимся на протяжении уже целого столетия дискурсом о воспитании. Культуру и бескультурье он в значительной степени рассматривает как проблему моральную; представления его в этой сфере близки прагматическому пониманию культуры в Порт-Рояле. Его идеал — человек, в равной степени образованный и в эмоциональном, и в практическом, и в рациональном отношении, человек, который находит себе место в мире и является полезным членом общества. Микеш неоднократно критикует отсталую культурную ситуацию в Венгрии и Трансильвании, господствующие там принципы воспитания; он говорит о необходимости широких реформ, отстаивая программу современного, гражданского в своей основе образования (например, письмо 27, 62). Особенно резко он осуждает бескультурье первых людей государства: «невежественный господин советник в стране — вроде порожней бочки в подвале» (письмо 62).

С идеями учения, образования у него часто связано требование труда как общественно необходимой деятельности. Во многих письмах он хвалит трудовой образ жизни, прилежание рабочего человека, противопоставляя эти ценности неумеренному пьянству, тунеядству, паразитической трате времени господского сословия и золотой молодежи (например, письмо 64). Труд и учеба в системе ценностей Микеша — понятия, социально и морально определенные. Труд — главный содержательный компонент жизненного идеала Микеша; в результате труда он видит самый прекрасный подарок, который можно получить от жизни (см., например, письмо

74). Он основательно осмысляет сущность отношений между властителем и подданными – и, опираясь на собственный опыт, реально изображает их (см., например, письмо 117).

Подытоживая и развивая сказанное, можно сказать: система ценностей Микеша может быть охарактеризована такими парами противоречивых понятий, как, например, надежда – безнадежность; любовь – отсутствие любви; мир – беспокойство; реальные цели – честолюбие; стабильность – изменчивость; уверенность в настоящем – неуверенность в будущем; то, что в силах человека, – то, что он не в силах сделать; порядок – беспорядок; умеренность – неумеренность. Центральное место в этой системе ценностей занимает надежда, коренящаяся в вере в Бога (см., например, письмо 6). Определяющий элемент надежды – система политических условий; первое формируется как функция второго, и когда изгнание оказывается бесповоротным, в безнадежности посюстороннего мира Микеш начинает открывать для себя надежду трансцендентную. За описанием жизни двора изгнанного князя постепенно разворачивается игра более крупных политических сил. Показывая строгий распорядок дня, установленный Ракоци в Родошто, Микеш тем самым отражает образ жизни аристократии того времени. Подчеркивая ответственное отношение князя к своей политической миссии, говоря о его активной дипломатической деятельности и поведении в изгнании, Микеш вместе с тем резко критикует современные ему европейские политические нравы. Ему пришлось на собственном опыте убедиться, что французская и особенно турецкая дипломатия опирается на совсем другие нравственные принципы, чем политика

Ракоци, что в дипломатии этих великих держав большую роль играют лицемерие и обман. В письмах 32-м и 128-м, например, он характеризует политическую мораль обеих стран, прибегая к одним и тем же сравнениям.

Еще одна важная составляющая жизненной позиции Микеша — любовь к ближнему. Во-первых, это принципиальное требование, вытекающее из христианской системы ценностей; во-вторых — выражение реальных и фиктивных чувств. Ракоци воплощает в глазах Микеша идеал христианского властителя, и преданная любовь, которую он испытывал к нему, мотивирует его терпение и выдержку в условиях изгнания. Эта любовь однако не была лишена критического элемента, и характерно, что лишь после смерти князя Микеш доверяет бумаге один эпизод, который свидетельствует о некоторых разногласиях между ними (письмо 121). Создание писем — подчеркнуто важная сфера эмоциональной жизни Микеша, и свои самые сокровенные чувства он недаром проецирует на образ своего фиктивного адресата. Мечты о женитьбе, связанные с одной из молодых женщин, находящихся в эмиграции и подходивших ему по возрасту, из-за отсутствия средств потерпели крах, и с этого момента его чувства, во всем их богатстве, обратились на воображаемую партнершу по переписке.

Большую ценность для Микеша представляет мир (в значении «покой»), который одновременно обеспечивает гармонию души и внутреннюю гармонию жизни сообщества изгнанников. Тому и другому, однако, угрожают большие амбиции, склонность к авантюрам и беспокойный нрав некоторых персонажей двора Ракоци в Родошто. Письмо 85 свидетельствует о чрезвычайной психологической чувствительности Микеша

к нравственным и душевным проблемам эмигрантов. Сначала он размышляет о том, как бесполезно проходит время в эмиграции, затем перечисляет причины, которые губят согласие в сообществе. В 96-м письме он с беспощадной искренностью вскрывает внутренние пороки эмигрантской повседневности, в резких словах бичуя придворные интриги. Однако благородство и человечность помогают ему подняться над личными обидами; несмотря на душевный и нравственный дискомфорт, неизбежно порождающий кризисные ситуации, он до конца остается преданным князю. Он понимает, что именно преданность Ракоци сделала его неимущим изгоем, и все же поднимается над личными несчастьями: «для эрдейского дворянина нет большего позора, чем сказать, что он служит из корысти» (письмо 22).

Картина мира у Микеша не независима и от внешней упорядоченности обыденной жизни. Обеспечивает эту упорядоченность строго соблюдаемый князем твердый распорядок дня, который вводит в течение времени систему, создает ощущение относительной надежности, предоставляет какую-то возможность для личной жизни и оставляет Микешу достаточно времени для регулярной литературной деятельности. Писание для него — важный способ достижения мира и надежности, позволяющий последовательно раскрывать душевную реальность и поддерживать — пускай фиктивную — коммуникацию. Используя время в соответствии со своими наклонностями, находя духовную сферу для самовыражения и тем самым контролируя свое состояние, Микеш даже в суровых условиях эмиграции способен обрести ощущение своеобразной духовной свободы. Значение упорядоченной жизни становится особенно очевидным,

когда приезжает сын князя, Йожеф, и наступивший хаос опрокидывает устоявшийся быт изгнанников. В 124-м письме Микеш называет порядок основой всякой морали.

В письмах вырисовывается дифференцированная система добродетелей и пороков. Для Микеша одинаково важными добродетелями являются дружба, верность слову, щедрость, верность и честь (см. письма 34 и 90). Столь же решительно, хотя и более мягко, он смотрит на пороки. К ним он причисляет высокомерие, мстительность, неумеренность, поспешность и т.д. (см., например, письма 104, 205).

«Турецкие письма» в значительной мере способствовали пробуждению интереса к еще одной большой теме моралистической литературы XVII–XVIII вв.: к дискурсу, связанному с женщинами и семейной жизнью. Микеш почти неисчерпаем в рассуждениях и историях, связанных с женщинами; часть их он берет из жизни своего непосредственного окружения, другую часть — из прочитанных книг. Истории эти посвящены хорошо известным перипетиям и сложностям супружеской жизни: например, подозрительности, ревности (см. письмо 66). Высказывая суждения о женщинах, Микеш подчеркнуто сдержан: и похвала, и критика у него практически в одинаковой степени умеренны, и высказывает он их в основном в опосредованной форме. О взаимоотношениях полов он думает вполне реалистически (см., например, письмо 172). Открытая похвала в адрес женщин связана у него с осознанным патриотизмом: см., например, письмо 32, где он сравнивает красоту трансильванских и венгерских женщин.

Ряд историй рассказывает о женской любви и верности (например, взятый из «*Caritas Romana*» сюжет о Цимоне и Перо, письмо 52; Клеопатра, письмо 96), о смелости женщин (например, девушка, переодевшись в мужское платье, освобождает своего жениха из турецкого плена, письмо 77), о находчивости в любви (например, Эгинхард и Эмма, письма 103 и 200). Но он приводит и истории, которые иллюстрируют женское тщеславие (например, черный нос госпожи Берчени, письмо 22), жестокость (например, о неаполитанской королеве, которая задушила своего мужа, письмо 53), амбициозность (например, о том, как Карл IV праведно рассудил брюссельских дам, соревнующихся за первенство, письмо 94). Тон его, когда он говорит о женщинах, чаще всего игрив, лукав; остроумная критика в адрес женщин часто появляется в переплетении с другими темами. С иронией, в тоне игривой болтовни он разрабатывает — в 58-м письме — анекдотическую тему о женщинах-священниках и об исповеди, — тема эта уходит в Средневековье и обнаруживается, например, у Рабле («Гаргантюа и Пантагрюэль», 1.3. С. 33).

Манера изложения, язык, стиль

Рамки литературной фикции — воображаемой партнерши Микеша по переписке — определяются образом «кузины», якобы находящейся в Константинополе милой эрдейской родственницы, по возрасту близкой Микешу (ничего более конкретного он о ней не сообщает). Выражение «кузина» (*néne*) встречается и в других работах Микеша, обозначая где старшую сестру, где тетю, где просто родственницу (например, свояченицу). У фиктивной партнерши — которая по сути дела

символизирует читателя — два лица: с одной стороны, Микеш обращается к ней как к источнику родственной любви, душевной близости, домашнего настроения; с другой — засыпает ее галантными комплиментами, ухаживаниями, развлекает любовными историями, пикантными анекдотами. Игривый тон, флирт, эмоциональная окраска — все это напоминает едва ли не самое популярное чтиво той эпохи, неоднократно переиздававшуюся переписку (несколько сотен писем) мадам де Севинье и Роже де Бюссе-Рабютена. С этой коллекцией писем произведение Микеша связано многими бросающимися в глаза особенностями манеры и стиля; упомянутая переписка могла служить Микешу одним из главных источников вдохновения. Именно оттуда, с большой степенью вероятности, заимствована пикантная история о «галантном громе небесном» (письмо 58); во всяком случае, по другим источникам происхождение этой истории не выявлено.

Микеш, таким образом, являлся, при всем прочем, галантным автором; галантный стиль — как господствующая на рубеже XVII и XVIII вв. модель коммуникации — предлагала ему особую, специфическую для данной эпохи и данной культуры, форму общения с собеседником или собеседницей. В венгерской эпистолярной переписке того времени манера эта была почти совершенно неизвестна. В рамках галантного стиля даже самые сложные и серьезные сообщения обычно получают выражение в формах намека, иронии или подражания, в легком тоне салонной беседы; различные дискурсивные уровни создают возможность для остроумной, подчас фривольной игры. Самая любимая тема здесь — отношения между полами. Развлекательную роль литературы галантные

авторы ценят выше моральных поучений. Такой эпистолярный стиль, насыщенный комплиментами и эротическими намеками, у Микеша часто переплетается с рассуждениями о благочестии, крайние формы, впрочем, Микеш воспринимает с явной иронией. Так, например, в 44-м письме он сообщает о своеобразном способе лечения, применяемом женой генерала Берчени во время чумы: пожилая дама обнаружила у себя в паху небольшой прыщик, но, не смея обратиться к врачу, смазывала это место святой водой.

Микеш неоднократно объединяет регистры родственной любви и любви межполовой – и эффективно пользуется таящимися тут возможностями. Словесную игру, связанную с межполовой любовью, он порой оснащает ярко выраженными эротическими штрихами. Так, например, в 49-м письме он не скрывает, что очень отрицательно относится к готовившейся в скором времени женитьбе графа Берчени на гораздо более молодой Жужи Кёсеги, которую Микеш тоже любил и на которой мечтал жениться. С горечью отметив, что в этом браке не будет участвовать ни сердце, ни плоть, а для невесты важен лишь графский титул, Микеш добавляет, что будущему жениху чаще придется мыться. И после этого вводит в рассказ шуточный мотив «стариковского календаря», – мотив этот встречается у Боккаччо («Decamerone», 2, 10) и у Лафонтена («Contes et nouvelles», 2, 8). Здесь можно наблюдать, как Микеш непосредственно связывает литературный мотив с собственной жизнью, ставя на службу галантному стилю другие дискурсы, в данном случае навязанные темами старости и морали, при этом не только играя ими, но и получая добавочное значение и эстетическое качество. Подобное соединение

различных стилей и манер – одна из характерных дискурсивных стратегий Микеша, целью которой является создание *esprit*, остроумного флирта и развлечения. К дальнейшим средствам «эстетики удивления» у него можно отнести неожиданную смену тем, незаметный переход от обращения на «вы» к обращению на «ты» и приверженность к разного рода причудливым историям и курьезным случаям.

Среди почерпнутых из различных источников историй, связанных с женщинами, можно обнаружить несколько пикантных сюжетов. Сюда можно отнести, например, (письмо 55), содержащее рассказ о невесте, пукнувшей во время невестина танца: жених за это отказался от нее, однако она находила себе мужей все более высокого ранга, пока, наконец, на ней не женился приехавший в Париж польский экс-король. Микеш здесь использовал мотив *puella pedens*, соединяя эротический и фекальный мотивы. Подобный характер носит и либертинская по вкусу история о короле (письмо 86), который, чтобы соблюсти 10 заповедей, оставляет в постели своей любовницы ее мужа. Сюда относится и анекдотический сюжет о французе-любовнике, который ухаживал сразу за двумя женщинами и был ими за это изощренно наказан (письмо 101). Также уже почти либертинский тон носят рассуждения о королевских дочерях, сосланных в монастырь, и о мужском и женском монастырях, построенных поблизости один от другого (письмо 84).

Фиктивное письмо – вполне современная форма личного выражения, которая заменяет устное сообщение или разговор. Автор не заранее задуманное произведение облакает в форму письма, но отдельное письмо

возводит в ранг шедевра. Письма достоверно отражают его индивидуальный голос, изменчивое настроение, его живой юмор. Особенность, которая роднит его стиль с эпистолярным жанром французского классицизма, — это более высокий, чем разговорный, стиль (*conversation á distance*), стиль болтовни (*causerie prolongée*), стремление понравиться (*l'art de plaire*), сознательная авторская позиция, принимающая во внимание публичность, а также использование разнообразных средств выражения.

Эпистолярный метод Микеша находится в тесном родстве с литературным арсеналом и мотивами французских эпистолярных коллекций, письмовников, произведений в форме фиктивных писем, путевых заметок конца XVII — начала XVIII в. К их общим характеристикам относятся, например, жанровые сцены, обмен воображаемыми подарками, планирование встреч, описание путевых впечатлений, миниатюрные портреты, расхваливание писем друг друга, сообщения об актуальных новостях и событиях. Сюда же можно отнести вопросы о том, когда ждать ответа, ответы на незадаанные вопросы, вставленные анекдоты и различные истории, стремление к лаконичному выражению мыслей, размышления о реальных возможностях отсылки письма, чередование описательных, повествовательных, рефлектирующих фрагментов, пристрастие к сентенциям и афоризмам. Все это, вместе взятое, представляет собой комплекс средств, служащих для доказательства достоверности произведения.

С самого начала Микеш энергично, но в то же время и осмотрительно, совсем не размашисто, рисует образ воображаемого адресата и разрабатывает свою

авторскую идентичность, создавая тот странный, призрачный мир, из которого ему больше нет необходимости выходить. Автор писем, даже несмотря на правдоподобие текста, не может рассматриваться как тождественный сконструированному им «я»: вместо реальной личности мы повсюду сталкиваемся с рассказчиком. Главные средства для создания идентичности: интенсивная, постоянно присутствующая авторефлексия, то и дело нарративизируемый опыт течения времени, размышления о настоящем и о недавнем прошлом, а также подробное описание узко взятой или широкой жизненной среды, окружающих его людей и их обычаев. Многочисленные иноязычные выражения, характерные для экзотического места, где он находится, также хорошо встраиваются в стратегию освоения данного места. Постоянный элемент формирования авторского «я» и конструирования идентичности — образ преданного слуги изгнанного князя. После смерти Ракоци парадигма сиротства становится особенно важной, подчеркивая униженное, зависимое положение эмигрантов. Показывая свою судьбу и судьбу товарищей по несчастью, Микеш в равной мере пользуется известной с XVI в. компаративной культурной моделью — параллелью между еврейской и венгерской судьбами, дважды вспоминая библейский образ Иова, терпеливо сносящего страдания. Формулы, открывающие и завершающие письмо, частая тематизация писем — все это также функционирует как мощный фактор создания идентичности (например, письма 57, 75).

Тем, как Микеш изображает других людей, он по крайней мере в такой же или даже в большей степени раскрывает себя, чем в тех случаях, когда рассказывает

о событиях своей жизни, о своих мыслях и чувствах. Портреты его особенно точны и интересны в тех случаях, когда он изображает такую сложную фигуру, которую любит, как, например, Жужи Кёсеги, или к которой питает глубокую антипатию: например, к Миклошу Берчени и Йожефу Ракоци. Среди всех этих людей выделяется Ференц II Ракоци, о котором Микеш рассказывает в нескольких местах, богато представляя его в жизненно правдивых, достоверных и проникнутых личным чувством чертах.

Еще одна особенность писем — лаконичность, подчас афористичность стиля. Свои мысли Микеш часто формирует как пословицы, поговорки, сентенции, цель которых — давать читателю некий нравственный стимул. Сентенции и афоризмы чаще всего создают особое значение его размышлениям, подталкивают читателя к определенным выводам, к жизненной мудрости, придают весомость начальным или финальным фразам в письмах. Вот несколько характерных примеров: «кто дал нам зубы, даст и еду» (письмо 122), «я — тот, кем был, и буду тем, кто есть» (письмо 72), «что реже, то и дороже» (письмо 23), «кто богаче, тот и могущественнее» (письмо 48), «верно говорят, что Франция — рай для женщин и ад для лошадей. Турция же — рай для лошадей и ад для женщин» (письмо 15).

Излюбленный прием Микеша — стремление связывать личный опыт с впечатлениями, почерпнутыми из книг, и олитературивать то и другое. Экзотические описания почти всегда носят личностный характер; автор в основном воздерживается от обобщений. У него хорошо развита способность разделять индивидуальные черты и общие культурные характеристики. Он сознает, что

его собственная система культурных ценностей отличается от господствующей в данном месте, но, как правило, отодвигает эту систему на задний план или релятивизирует ее. Свои наблюдения он излагает, эмоционально окрашивая их; явления и конкретных людей последовательно оценивает в их отношении к ситуации изгнания, под углом зрения французского опыта и турецкой среды. Тот факт, что во второй части «Писем» преобладают описания, новеллистические вставки, почерпнутые из письменных источников, демонстрирует процесс культурной, социальной адаптации к чуждой среде. Описывая окружающую жизнь, ландшафт, он вплетает в них свои размышления, переживания, рефлексии; рисунок восточного мира находит отражение в личных ощущениях автора. Такие оппозиции, как «цивилизация—варварство», «центр—периферия», как и показ восточной культуры через западное восприятие в стиле и манере Микеша, почти или даже совсем не находят места.

Светское мирозерцание, развитое чувство стиля и нацеленность на развлечение оттесняют на задний план традиционные морализаторские тенденции. Нравственная критика Микеша чаще всего находит выражение между строк, в скрытом, опосредованном виде. В использовании античных, библейских или ренессансных по своему происхождению мотивов, религиозных и иных сюжетов Микеша интересует, в первую очередь, не моральный пафос, но анекдотическое содержание, приспособленное к теме или настроению письма, оживляющее изложение и встраивающееся в формально-жанровые рамки. Даже из произведений представителей Раннего Просвещения он в основном берет исторические и другие курьезы, некоторые элементы

художественной прозы, и, осмысляя историко-критическое мирозерцание авторов, дополняет их собственными замечаниями модифицирует, сокращая или расцвечивая. В передаче нескромных подробностей любовных историй или связанных с женщинами странностей бывает, что, уступая правилам бонтона, он вынужден о чем-то умалчивать, — как, например, это имеет место в рассказе о юноше, женившемся, в одном лице, сразу на троих: младшей сестре, дочери и жене (письмо 73). Заимствованные рассказы чаще всего переплетаются с другими темами так же естественно, как это происходит в устном общении.

Изложение историй, взятые из других литературных источников, в большинстве случаев нацелено на выражение сути и связано с данной ситуацией. Иногда пересказ сводится всего-навсего к одной-двум фразам или краткой ссылке. В подавляющей части писем содержится по одной истории, однако несколько раз Микеш объединяет в одном письме по две-три схожих по теме истории (см., например, письма 72, 86, 94, 109). С помощью такого приема он как бы делает чужой текст своим: сюжет и в новом контексте функционирует как носитель определяющих пафос письма знаний. Микеш обладает особенной чувствительностью к забавным, гротескным или абсурдным анекдотам. Голый остов какой-нибудь истории он наполняет жизнью, но комментирует мало, еще меньше анализирует, а выводы обычно доверяет читателю. К части рассказов он не добавляет никаких пояснений; бывает и так, что он завершает историю вопросом, обращенным к партнерше (например, барышня и три ее любовника, письмо 94). Моральное истолкование части рассказов является очевидным, однако

оно не навязывается читателю и редко формулируется эксплицитно.

В своем мировоззрении и способе изложения Микеш был реалистом и в языке, и в стиле. В письмах его встречается немало простонародных, диалектных и архаических выражений; он часто использовал метафорические обороты, словесные образы, пословицы и библейские выражения. Язык его вместе с тем — слепок разговорного языка тогдашней Трансильвании. Важные характеристики его стиля — спонтанные или кажущиеся спонтанными, часто далекие, неожиданные ассоциации, быстрая смена различных стилевых регистров, вариативность тем, техника монтажа, строящаяся на контрасте, на контрапункте, а также юмор и ирония, пронизывающие всю коллекцию.

Стиль Микеша совершенно индивидуален, остроумен, нагляден, естественен и дружелюбен; часто он становится эмоциональным или шутливым. Моральные воззрения его коренятся в христианской вере, в то же время они необычно смелы, ему не чужда игривость, приемы искусства соблазнения. «Турецкие письма» возникли в точке пересечения трех культур: венгерской, французской и турецкой, и стиль их носит на себе характерные черты этих культур и результаты их соседства или даже смешения. Другие определяющие черты этого стиля: спонтанность, доброжелательность и критический взгляд. Микеш с непринужденной естественностью вводит в свои тексты латинские, турецкие и греческие слова; но своеобразие трансильванского диалекта венгерского языка также обогащает его стиль. Еще одна важная черта — прерывистое, прыгающее повествование и лаконичность. Последние письма во все большей

степени омрачены ощущением безвозвратно уходящего времени, утратой соратников и друзей; усугубляющийся мало-помалу меланхолический, трагический тон подчеркивает литературный характер произведения. Стилиевые принципы Микеша, наряду с французскими образцами, во многих пунктах опосредованно подключаются к доричардсоновской — в значительной мере следующей французским моделям — английской фиктивной эпистолярной литературе, а также к немецким теориям эпистолярного жанра, также отчасти формирующимся под французским влиянием первой половины XVIII в., прежде всего к эпистолографическим работам и галантным, насыщенным эпистолярными вставками, романам Христиана Фюхтеготта Геллерта и предшественников Геллерта, Христиана Фридриха Хунольда и Августа Бозе.

История признания. Значение

Единственная известная рукопись «Турецких писем» во второй половине 1780-х годов попала — при до сих пор не выясненных обстоятельствах — из Родошто в Вену, оттуда — в Венгрию. Рукопись эта представляет собой авторскую копию, в ней рукой Микеша внесено много исправлений и несколько поздних добавлений. В Вене рукопись попала в руки Деметера Гёрёга и Шамуэля Керекеша, редакторов газеты «Военные и другие примечательные истории»; затем она оказалась у сомбатхейского учителя Иштвана Кульчара. Кульчар пронумеровал письма, дал им новое название и в 1794 г. издал в городе Сомбатхей; разрешение цензуры датировано 10 июля 1792 г., цензор исключил один фрагмент из письма 203. В подготовке издания участвовал Миклош Реваи, лингвист, поэт, учитель, редактор. Расходы на

издание оплатил большой патриот и меценат, много сделавший для развития науки и литературы в Венгрии, граф Дёрдь Фештетич. В предисловии, обращенном к читателю, Кульчар оценил произведение прежде всего как исторический источник, в то же время обратив внимание на некоторые особенности стиля. В 1796 г., на сессии Государственного собрания в Пресбурге (совр. Братислава в Словакии, по-венгерски Пожонь) по инициативе Кульчара было организовано торжественное заседание, на котором зачитали отрывок из писем и почтили память родившегося 106 лет назад Келемена Микеша.

Первое издание «Писем» положило начало той, уже более чем 200-летней литературной и литературоведческой традиции, в которой фигура Микеша, его жизнь и творчество, тесно переплетаясь с образом Ференца II Ракоци, стали символом и стимулирующим фактором национального культурного наследия. Второе издание «Писем», уже в полном виде, осуществил в 1861 г. историк литературы Ференц Толди, который тремя годами раньше приобрел рукопись, затем, спустя несколько лет после появления книги, передал ее (как можно предполагать, в счет возмещения денежного долга) эгерскому архиепископу Беле Бартаковичу. От него рукопись попала в Главную церковную библиотеку города Эгера, где хранится и в настоящее время. С тех пор «Турецкие письма» выдержали еще много изданий; из них следует особо отметить издание 1906 г., подготовленное в связи с перенесением на родину праха князя Ференца II Ракоци. Из переводов Микеша были изданы — во второй половине XIX в. — только «Забавные дни»; в течение долгих десятилетий в центре литературоведческих

и исторических исследований находились лишь «Турецкие письма». Между 1944 и 2011 гг. появились полные переводы «Писем» на английский, немецкий, французский, итальянский, турецкий и румынский языки, отрывки появлялись по-польски, по-монгольски, на эсперанто. Благодаря этому произведением в последнее время занимаются не только венгерские, но и французские, немецкие, английские, турецкие и итальянские литературоведы. Полное критическое издание творчества Микеша было осуществлено, в шести томах, в 1966–1988 гг., в Институте литературоведения Венгерской академии наук под руководством Лайоша Хоппа. Полный текст критического издания уже несколько лет доступен и в электронном виде. В 2010 г. в Институте литературоведения ВАН началось методическое исследование языка Микеша в рамках работы по составлению цифрового словаря Микеша. В 2011 г., по случаю 250-летия со дня смерти Микеша, появилось факсимильное издание «Турецких писем».

До 2011 г. научная библиография посвященных Микешу литературоведческих работ составила почти тысячу позиций; сюда нужно добавить еще более 300 статей по изучению влияния и культа писателя. Образ и творчество Микеша в равной степени служили источником вдохновения для ряда поэтических, эпических, драматургических произведений, для живописных полотен, музыки, фильмов. Из классиков, запечатлевших его память в стихах, стоит выделить Михая Вёрёшмарти, Яноша Араня, Имре Мадача, Деже Костолани, Эндре Ади, Дюлу Юхаса, Иштвана Шинку и Альберта Ваша, во второй половине XX в. — Чабу Ласлоффи, Пала Надя, Дюлу Такача, Шандора Каняди, Арпада Фаркаша и Аладара

Ласлоффи. Из драматических произведений упомянем несохранившуюся пьесу Михая Витковича (1806); во второй половине XX в. заслуживают внимания радиопьеса Ласло Ч. Сабо, историческая дряма Даниеля Верешша и монодрама Меньхерта Тамаша. Среди прозаических произведений, авторы которых обращаются к образу Микеша, есть романы, множество рассказов, новелл, фиктивных писем, эссе; все это – самого разного художественного уровня. В XX в. возникли два больших центра, изучающих литературную традицию, связанную с Микешем: один – в Трансильвании, второй – в кругу венгерской эмиграции на Западе. Воплощая в себе высокую ценность трансильванской литературы, Микеш стал своего рода трансильванской венгерской иконой, которая открывает возможность для постоянной актуализации связанных с нею ценностей. Эффектным проявлением культа Микеша в Трансильвании стал символический перенос его праха из Родошто в родную деревню Загон (август 2012 г.).

Единственный – признанный достоверным – портрет Микеша, находящийся ныне в Коложваре, стал известен в 1870-е годы; он стал исходным пунктом для богатой – с точки зрения жанров, техники и функции – иконографии Микеша. Из музыкальных произведений XX в., вдохновленных «Турецкими письмами», можно выделить вещи Ференца Фаркаша, Эмиля Петровича и Дёрдя Куртага. Все эти произведения хорошо демонстрируют стремление к обновлению литературной, изобразительной и музыкальной традиции, вместе с тем иллюстрируя динамику восприятия Микеша в различных сферах.

Международной значение творчества Микеша обусловлено прежде всего тем, что ситуация, связанная с изгнанием, с внешней и внутренней эмиграцией является в XX – XXI вв. одним из основополагающих переживаний человека, которое во всем мире привело к появлению богатых и разнообразных художественных произведений. Микеш принадлежит к тому относительно небольшому кругу творческих личностей, которые стали писателями в изгнании и под влиянием этого факта. Микеш многими нитями связан с европейской, – в первую очередь, с французской, английской, итальянской и немецкой литературой, а также с турецкой культурой. «Турецкие письма» сохраняют свою высокую ценность и в контексте всемирной литературы, поскольку Микеш творил и мыслил в понятных и в международном контексте художественных категориях и символах, а потому – если воспользоваться выражением Шандора Марай – «подключен к мировой литературе».

Хотя венгерская литература относится к литературам так называемых «малых» народов, в наши дни крепнет понимание того, что так называемые «большие» национальные литературы тоже не могут быть поняты во всей своей полноте, если мы не знаем их взаимосвязей с «малыми» литературами. Творчество Микеша свидетельствует о том, что венгерская литература XVIII в. обладает богатыми международными связями, и этот период весьма плодотворен для исследования контактов европейских литератур друг с другом, а также с литературами и культурами за пределами Европы. «Турецкие письма» относятся к тем примерам, которые заслуживают серьезного внимания и в плане международных связей литератур, взаимодействующих в иноязычной

языковой среде и способствующих взаимной культурной адаптации. Вместе с тем это произведение – наглядный пример того, как и в каких формах писатели, представляющие «малые» народы, усваивали тенденции крупных европейских литератур и как эта деятельность способствовала наиболее полному воплощению их личных устремлений, обогащению данной национальной литературы и возникновению диалога между различными национальными литературами. Живя и творя в изгнании, Микеш вместе с тем был предшественником тех, часто живущих за пределами родины интеллигентов, которые в последней трети XVIII в. играли решающую роль в формировании наций Центральной и Восточной Европы, опирающихся на факты своих языков и культур.

«Турецкие письма» ставят переводчика перед очень серьезным испытанием. Об этом свидетельствуют статьи и свидетельства, связанные с ранее появившимися переводами; я и сам могу многое сказать в связи с этим на основе своего опыта, накопленного в то время, когда я помогал осуществить французский перевод «Писем». И глубоко признателен Юрию Гусеву за его самоотверженную работу, за то, что после многих переводов классических произведений древней и современной венгерской литературы он взялся выполнить эту работу. Искренне желаю, чтобы русский перевод доставил новым читателям Микеша истинное литературное переживание и много радостных часов, вместе с тем способствуя как можно более полному и широкому знакомству с творчеством Микеша.

